

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.13>

Хетагурова Дзерасса Казбековна

"Волчья доля": тема абречества в осетинской литературе конца XIX - начала XX века

В статье рассматривается тема абречества в осетинской литературе конца XIX - начала XX века на материале произведений поэзии, прозы и драматургии (К. Л. Хетагуров, А. И. Токаев, Е. Ц. Бритаев, А. Т. Цаликов, Д. А. Гатуев). Цель работы - проследить, как абречество представлено у выбранных авторов, какие акценты они расставляют в трактовке образа абрека-разбойника-изгоя с точки зрения эстетики того или иного литературного направления. Научная новизна настоящего исследования обусловлена тем, что феномен абречества в выбранном аспекте с широким охватом задач впервые становится предметом литературоведческого анализа. В результате выявлены особенности образов абрека, который представлен как легендарный разбойник, вызывающий восхищение и уважение горцев, как преступник-маргинал, изгой общества, достойный только порицания, и как несчастный страдалец, загнанный зверь, заслуживающий сочувствия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 73-81. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.13>

Дата поступления рукописи: 04.08.2020

В статье рассматривается тема абречества в осетинской литературе конца XIX – начала XX века на материале произведений поэзии, прозы и драматургии (К. Л. Хетагуров, А. И. Токаев, Е. Ц. Бритаев, А. Т. Цаликов, Д. А. Гатуев). **Цель работы** – проследить, как абречество представлено у выбранных авторов, какие акценты они расставляют в трактовке образа абрека-разбойника-изгоя с точки зрения эстетики того или иного литературного направления. **Научная новизна** настоящего исследования обусловлена тем, что феномен абречества в выбранном аспекте с широким охватом задач впервые становится предметом литературоведческого анализа. **В результате** выявлены особенности образов абрека, который представлен как легендарный разбойник, вызывающий восхищение и уважение горцев, как преступник-маргинал, изгой общества, достойный только порицания, и как несчастный страдалец, загнанный зверь, заслуживающий сочувствия.

Ключевые слова и фразы: осетинская литература; феномен абречества; образ разбойника; романтизм; реализм; модернизм.

Хетагурова Дзерасса Казбековна, к. филол. н.
Владикавказский научный центр Российской академии наук
dze-khe@yandex.ru

«Волчья доля»: тема абречества в осетинской литературе конца XIX – начала XX века

Одна из самых актуальных тем в осетинской литературе рубежа XIX-XX веков – тема абречества, которую практически каждый поэт, писатель, драматург осветил в своем творчестве. В связи с этим **актуальность** нашего исследования заключается в необходимости изучения художественно-образной структуры осетинской литературы, в которой в различных инвариантах репрезентован образ абрека и – шире – феномен абречества.

Предметом анализа являются поэма основателя осетинского литературного языка К. Л. Хетагурова (1859-1906) «Перед судом» (1893), стихотворение поэта-символиста начала XX века А. И. Токаева (1893-1920) «Абырджытæ» («Абреки» (1919)), пьеса родоначальника осетинской драматургии Е. Ц. Бритаева (1881-1923) «Худинаджы басты – мæлæт» («Лучше смерть, чем позор» (1903)), рассказы писателя и публициста А. Т. Цаликова (1882-1928) «В абреки» (1914), «Любовь абрека» (1914) и повесть писателя, революционного и общественного деятеля Д. А. Гатуева (1892-1938) «Зелимхан» (1929). **Задачи** исследования:

- 1) проанализировать произведения и выявить связи с традициями мировой и русской литературы в трактовке образа разбойника;
- 2) определить сходства и различия в образах абреков в осетинской поэзии, прозе и драматургии указанного периода;
- 3) выявить влияние эстетики различных литературных направлений на создание образа абрека;
- 4) выяснить причину тождественности понятий «абрек» и «волк» в текстах осетинских авторов.

Для решения поставленных задач мы использовали следующие **методы исследования**: сравнительно-исторический, культурно-исторический, метод литературно-критического анализа. **Теоретической базой** явились труды осетинских и кавказских литературоведов, этнографов и фольклористов: В. И. Абаева [1; 2], Ш. Ф. Джигкаева [9], И. С. Хугаева [23], Н. Д. Цховребова [26], В. И. Бекоева [3], Ю. В. Хоруева [22] и А. С. Мирзоева [15]. **Практическая значимость** результатов проведенной работы заключается в возможности использования их в преподавании курсов по истории осетинской литературы на филологических факультетах РСО-А.

В осетинской литературе образ абрека представлен многопланово и объемно, в различных трактовках и аспектах. Популярность абреческой тематики в литературе Северного Кавказа начала XX века связана как с влиянием традиций «вечного образа» изгоя-разбойника в мировой литературе (от английских средневековых баллад о Робин Гуде до «Дубровского» А. С. Пушкина), так и с актуализацией в кавказском обществе социального института абречества, ставшего своего рода массовой силой протеста против несправедливости царских властей. Абречество всегда существовало на Кавказе, но с особенно яркой силой оно развилось в эпоху предреволюционную и приобрело политическую окраску.

Слово «абрек» несет в себе некую двойственность, так, в словаре В. И. Даля: «...абрек – отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке» [8, с. 56], и в определении ученого-филолога, осетиноведа-ираниста В. И. Абаева: «...абыраг – абрек, разбойник» [2, с. 25]. Абаев пишет о том, что эта многоплановость шла изначально, поскольку в кавказские языки слово «абрек» проникло из персидских слов: бродяга и грабитель [1, с. 657]. То есть это, с одной стороны, личность неординарная, гордая, свободолюбивая, неслучайно этот образ особо популярен стал в литературе романтизма, а другой стороны, – разбойник, бандит, промышленный грабежом, человек крайне опасный и вероломный. Абрек тем самым наделен и положительными, и отрицательными характеристиками. Именно такая сложность в первую очередь и привлекала поэтов и писателей.

Абречество как социальный институт на Кавказе развивалось постепенно. Изначально абрек – изгой, исключенный из семьи и рода, тот, «кто бросил вызов своему обществу с отжившими архаичными представлениями и нормами жизни» [22, с. 109], бежавший от проблем с адатом (свод традиционных обычаев у народов, исповедующих ислам) или кровной мстью. Дальше, уже в XIX веке, «слово “абрек” становится синонимом всякого “немирного горца”, то есть людей, выступавших против колониальной политики царизма, ведущих партизанскую вооруженную борьбу» [15, с. 95], это форма протеста, который к началу XX века приобрел уже массовый характер, создавая серьезные проблемы для колониальной политики русского правительства, «абреки вели упорную самоотверженную борьбу против царской администрации и представителей имущих классов» [12, с. 416].

Образ абрека пришел в авторское творчество из фольклора, где абреческие или разбойничьи песни были отдельной группой. Так, в осетинских народных песнях разграничивались понятия «абрек» и «разбойник». Первый вызывал восхищение, «храбрые, гордые и свободолюбивые люди, избравшие для себя путь дикой свободы» [3, с. 155], тогда как вторые вызывали всеобщее порицание, это обычные грабители, за действиями которых не стоит никакая идеология, лишь жажда наживы и насилия: «...они совершали убийства и набеги на людей ради собственного обогащения» [Там же, с. 159]. Абрек – человек вольный и отважный, именно эти качества воспевались в народных текстах, грабеж для них – хоть и преступление, но единственная форма выживания. В целом абречество было своеобразной «формой протеста против общественной несправедливости, насилия над личностью», как писал В. И. Абаев [1, с. 655]. Обычный разбойник грабит всех без разбора, а абрек – только зажиточных.

Особенно ярко образ абрека представлен в поэме «Перед судом» К. Л. Хетагурова – классика осетинской литературы, родоначальника осетинского литературного языка, поэта, публициста, художника и общественного деятеля. В творчестве Коста Левановича органично соединились эстетика романтизма и реализм, смешение стилей и направлений характерно для всей осетинской литературы, поскольку, будучи литературой молодой (возникла в конце XVIII века), она развивалась в собственном ускоренном темпе.

Произведение Хетагурова написано под влиянием традиций романтической школы. Несмотря на национальный колорит (характер героя, упоминание местных обычаев, описание горных пейзажей), прослеживается общность с поэмами классиков русской литературы А. С. Пушкина («Братья-разбойники» (1821-1822)) и М. Ю. Лермонтова («Преступник» (1829)). Романтизм проявляется у трех авторов в центральных образах – разные по национальности, возрасту и характерам, для всех них существует одна отрада, страсть: «Любовь к свободе золотой» [14, с. 51]. Именно вольнолюбивый характер объединяет их, делает особенными. Несомненно также влияние европейского романтизма с восточными поэмами Д. Г. Байрона и его «байроническим героем»: загадочным, мрачным, с таинственной судьбой и внутренним трагизмом. Английский классик создал образ иного, другого, отличного от основной массы людей персонажа. Романтический герой – в эту категорию попадают и центральные образы поэм Пушкина, Лермонтова, Хетагурова. Однако если у русских классиков они однозначно маргиналы, воры и убийцы: «Опасность, кровь, разврат, обман – / Суть узы страшного семейства» [18, с. 145], как писал Пушкин о жизненном кредо разбойников, то в поэме Хетагурова представлен несколько иной образ, несомненно, преступника, но с чуткой душой романтика, вынужденного уйти в разбойники не по своей воле, а в силу социального неравенства, бедности и разорительных обычаев, человека, достойного сочувствия. Композиционно поэма представляет собой исповедь перед казнью, Эски-разбойник полностью осознает свой поступок (убийство), и кару за содеянное принимает с гордо поднятой головой. Общность в поэмах русских классиков и осетинского – это история жизни героев, то, как они стали тем, кем стали. Корни трагедии в прошлом: сиротская доля у братьев-разбойников, преступная любовь у Лермонтова и сиротская, нищенская доля у Хетагурова:

В лохмотьях, грязный и босой
Я рос по княжеским задворкам,
<...>
Не помню ласкового слова
ни от кого, – всегда лишь раб,
Холоп, – и ничего другого [21, с. 104-105]!

Будучи человеком чувствительным, Эски-разбойник Хетагурова обречен на лишения с детства, обделенный родительской любовью и дружеским участием. Глубоко переживая несправедливость устройства жизни, порочность общества, где ценятся только власть, высокое социальное положение и деньги, он нашел для себя истинное применение, в чем душа находит гармонию – работа пастухом на природе, именно последняя излечила его страдающее сердце:

Как я любил шум водопада,
Вершины гор, небесный свод
И скал задумчивых молчанье [Там же, с. 106]!

Восхищает героя природа родного Кавказа, величественная, молчаливая, лишенная суетности людской жизни, коварства и злобы. Мир природы и животных – это его личная Аркадия:

Я понял птицы щебетанье,
Невнятный шепот, шум лесов,
Я чутко отвечал на зов
Орла, парящего в лазури [Там же].

Однако идиллия единения с природой длилась для героя недолго, он встретил свою роковую страсть, любовь, хоть и взаимную, но никак невозможную в мире, где главное условие счастья – социальное положение и выплата калыма за невесту – преграды, для бедного, безродного пастушка непреодолимые:

Я полюбил весь мир, весь свет
И дерзко требовал в ответ
Себе какой-то жизни новой –
Свободы, равенства и счастья...
<...>

А встретил ненависть и смех [Там же, с. 108-109].

На абреческую стезю персонажа поэмы толкнули роковые действия: желание жениться (нарушение сводов традиционных обычаев Кавказа), отказ семейства невесты, убийство жениха Залины (невесты лирического героя), бегство в горы как попытка избежать кровной мести за совершенное преступление.

Подобная судьба характерна для абрека, ведь одним из источников «абречества было грубое нарушение ада-та, родовых и общинных правил поведения, святость которых считалась незыблемой. Посягательство на вековые морально-этические устои общества, на которых созидалась сама жизнь этноса, было равносильно самоубийству и несмываемому позору. Такие нигилисты... изгонялись. Очень часто молодые люди становились абреками из-за убийства на почве ревности» [22, с. 126-127]. Именно это и происходит в поэме Коста Левановича.

Образ лирического героя у Хетагурова представлен объемно – в генезисе, в развитии от человека природы до убийцы-разбойника. Будучи пастушкой: «Любил я жизнь, любил свободу...» [21, с. 106], тогда как, став абреком, он потерял все, что ему дорого и ценно: «Мир меня не манит, – / Мне в нем не дорого ничто» [Там же, с. 104].

Эски-разбойник не питает иллюзии относительно своего будущего:

Как с грязной ношей своей,
С преступной жизнью без боязни
Всегда расстаться я готов [Там же].

Здесь можно провести параллель с образом другого известного разбойника эпохи романтизма – Карлом Моором, героем пьесы Ф. Шиллера (1759-1805) «Разбойники» (1781). У Шиллера эволюция персонажа представлена не только в плане психологического портрета: от бунтаря, прогрессивного ума современности до убийцы и изгоя, но и на вербальном уровне, в обозначении персонажа: в начале пьесы он Карл Моор, а к концу – Разбойник-Моор, автор четко показал потерю имени и сущности, ведь убийства, какой бы цели они не служили, ожесточают и уничтожают суть любого человека, как благородны бы ни были их стремления и желания. Так и герой Хетагурова с утонченной душой поэта, воспевающего красоты родного края, ступив на путь разбоя, изменяет себе, и как кару, без сожаления принимает смерть, с одной лишь просьбой (как типичный романтический персонаж): передать привет прощальный его возлюбленной – Залине.

В начале XX века в осетинской литературе ощущалось существенное воздействие идей модернизма, что особенно ярко проявилось в творчестве А. И. Токаева – поэта, драматурга, художника, новатора осетинского стихосложения (впервые ввел форму сонета). Тема абречества присутствует в его поэзии, где помимо традиций романтизма ощущается и влияние эстетик символизма и экспрессионизма.

В стихотворении «Абырджытæ» («Абреки», 1919) Алихан Инусович создает обобщенный образ разбойника, человека иного, изгнанника-маргинала, противопоставленного человеческому обществу и самому себе:

Уыдон дæр рухс цардмæ рагай бæллынд,
Марынц уæддæр ма 'мæ давынд.
Сау хъæды фæндагтыл уыдон мæлынд,
Ахсынц сæ, дардмæ сæ сæфынд [20, ф. 121]
(здесь и далее все цитаты из осетиноязычных
текстов приводятся в подстрочном переводе автора
статьи. – Д. Х.).

И они тоже, конечно, с давних пор стремятся
к светлой жизни.
Но все равно убивают и воруют.
Умирают они на дорогах в дремучем лесу,
Ловят их, уничтожают...

В тексте представлено гипертрофированное изображение страдальцев, гонимых людьми, воров и убийц, которые тем не менее стремятся к гармоничной, праведной, светлой жизни («рухс цард») – цели, заведомо для них недостижимой. Гротескное желание света усугубляет тяжесть разбойничьей жизни, прав был Карл Моор Шиллера, рассуждая: «Узник позабыл свет солнца, но мечта о свободе, как молния, прорезала ночь вокруг него, чтобы сделать ее еще темнее» [28, с. 89]. Так и для абреков Токаева страсть светлой жизни делает действительность еще невыносимей и черней.

Если у Хетагурова абрек – это личность с именем, характером и судьбой, то в стихотворении Токаева нет как такового лирического героя, автор обезличивает разбойника, наделяет его качествами универсального изгоя, который скитается в лесах и горах, как волк.

Следует отметить, что как бы не был представлен образ абрека в осетинской литературе (порицание, восхищение), неизменным остается сравнение его с волком. Абреков отождествляли с волками еще издревле, в осетинском фольклоре есть много подобных пословиц: «Абрек, как волк: то он бывает слишком сыт, то голоден» – «Абырæг: бирæгъу у: куы – фырафсæст, куы – 'ххормаг» [7, ф. 253] и т.д. Сравнение их неслучайно по многим

причинам: волки, как и абреки, действуют набегами, воруют пищу (скот) у людей; абреки живут шайками в лесу, как волки стаями, но при этом волк всегда одиночка, как и абрек. Образ абрека обладает звериными чертами, волчьими в характере: свободолюбие, смелость, решительность, также злость, отчаянность, жесткость, вероломство. Отношение к абрекам зачастую в народе не отрицательное, это связано не только с тем, что многие абреки помогали беднякам, но и еще, возможно, что, отождествляясь с волком, разбойник становился кем-то большим, ведь «главным тотемным предком у осетин, как свидетельствует нартовский эпос, был волк – Уархаг» [10, с. 137]. Волк как прародитель рода, несомненно, – один из центральных символов не только в осетинском фольклоре, но и в литературе, ведь «именно тотемные животные выступали опорными точками этнического мировоззрения, а затем эти образы получили художественно-эстетическую трансформацию в национальной литературе» [19, с. 235]. Это делает образ абрека более глубоким, связанным с древними верованиями, фольклором. Сравнение абрека с волком рефреном проходит через все литературные тексты, что говорит о том, что эти образы являются взаимозаменяемыми, тождественными как для традиционного, архаичного сознания, так и для собственно авторского мировосприятия. И волк, и абрек для осетинской культуры являются архетипичными образами, вечными, кочующими из фольклорных текстов в литературные. «Волк» для абрека является своеобразным вербальным маркером, который несет строго определенное смысловое наполнение, тем самым становясь понятным каждому, кто читает любое художественное произведение с абреческой тематикой.

В стихотворении Токаева сравнение абрека с волком встречается практически в каждой строфе: «Хæмпæлы бадгайæ бирæгъхуызæй» [20, ф. 121]. / «В бурьяне, как волки, сидят»; «Бирæгътæ афтæ ыстонгæй, зыдæй / Комкомæ хъæутæй фæдавынц» [Там же]. / «Так же и волки с голода, жадно, / Открыто из сел воруют»; «Бирæгъæу сау хъæды зылынц, цæрынц. / Фæндагтыл искайы марынц» [Там же]. / «Как волки, в темном лесу скитаются, живут. / На дорогах кого-нибудь убивают». У Алихана Инусовича в абреках волчье – не злость, не смелость, не вольнолюбие, а вечный голод, бродяжничество, грабеж и убийство. Это не совсем тот романтический, благородный, таинственный разбойник, созданный в мировой литературе, у Токаева он – человек-зверь, затравленный, обреченный, живущий в дремучем лесу, но стремящийся душой к свету. Образ абрека Токаев дополняет сравнением не только с волком, но и с его противоположностью – зайцем, создавая гротескное противопоставление, соединяя невозможное в одном: «Сусагæй, тарæй тæрхъусау тæссæй» [Там же]. / «Тайно, в темноте, как зайцы, боязливо»; «Тæрхъусы фæзмаелдæй уыдон тæрсынц» [Там же]. / «Заячьего шороха даже боятся».

Основные эмоции, что отражает искусство экспрессионизма: страх перед жизнью, искажение традиционных представлений, воспевание ужаса и страдания бытия, культ смерти. В литературе экспрессионизма «персонажи почти лишены конкретной индивидуальности; преобладают не столько типизированные, сколько условно-символические обобщенные лирические или гротескные образы» [13, с. 72]. Экспрессионистичный, обобщенный образ страдальца создает и Токаев, его абрек отличается гротескностью: грабит и убивает, как волк, но при этом боится любого шороха, как заяц; стремится к светлой жизни через грабежи и преступления; у него нет родни, и каждый человек ему – враг. Абреки таятся и нападают на своих жертв, так же и на них охотятся кровники, казаки, армия, представители власти. Абреков уничтожают преследователи, и сами они умирают на темных лесных тропах, их жизнь бесконечно мрачна – это замкнутый круг, существование, лишенное будущего: «Тарæй, æнкъардæй сæ цардмæ кæсынц, / Хъæлдзæг цард уыдон нæ зонынц» [20, ф. 121]. / «Мрачно, грустно на свою жизнь смотрят, / Веселой жизни они не знают».

Интересна последняя строфа, где вступает голос автора, который сочувствует абрекам и выражает любовь, обращаясь к ним, как к малым детям:

Ме 'ххормаг гобитæ, уарзын уæ æз,
Зоны мæ зæрдæ уæ тар зын.
Тар хъæд уын сафы уæ тых æмæ рæз.
Уарзын, зæрдæйæ уæ уарзын [Там же, ф. 122].

Мои голодные немые, я люблю вас,
Знает мое сердце ваше тяжкое горе.
Забирает темный лес ваши силы или рост.
Люблю вас, от всего сердца люблю...

Сочувствие и любовь здесь несколько преувеличены, чрезмерный акцент на чувствах отсылает к традициям сентиментализма.

Также в стихотворении, кроме звериной символики, присутствует образ темного леса, в котором всю жизнь скитаются и страдают абреки. Лес – «лабиринт страстей и инстинктов, где человек теряет себя; он должен обуздать свои пороки, чтобы отыскать, наконец... свет» [11, с. 215]. Именно потеря личности и бесконечные блуждания отличают абреческую жизнь в целом. Лес – традиционное место обитания разбойников (Шервудский лес в балладах о Робин Гуде, богемские леса в драме Ф. Шиллера «Разбойники»), только там можно скрываться от людей и нападать в поисках пропитания, это вынужденный дом, в который никто не придет по своей воле: «Какая в темные леса / Тебя влечет беда?» [17, с. 19], как вопрошает легендарный разбойник Робин Гуд. Только личная трагедия может вынудить человека отказаться от общества для скитаний в чащах, несмотря на то, что в балладах Робин Гуд представляется веселым удальцом, сам же он прекрасно знает цену жизни разбойника в лесу.

Стихотворение Токаева, созданное в 1919 году, демонстрирует слияние идей романтизма (образ изгоя, противостоящий обществу), символизма (звериная символика, отсылка к бессознательному и архетипичным образам), экспрессионизма (обобщенный образ безнадежного страдальца, обреченного на страх и скорую смерть) и сентиментализма (в последней строфе – гипертрофированное признание автора в любви к абрекам).

В пьесе родоначальника осетинской драматургии Е. Ц. Бритаева (1881-1923) «Худинаджы бæсты – мæлæт» («Лучше смерть, чем позор» (1905)) также затрагивается тема абречества. Если разбойники К. Хетагурова

и А. Токаева достойны жалости и сострадания, то Бритаев открыто обличает абрека Кирима, когда-то достойного человека, который избрал путь разбоя, закончившийся убийством его друга и побратима Ахмета.

Кирим не родился убийцей и вором, так же как и Томас Моор Ф. Шиллера, герой представлен в развитии. Неслучайно центральная тема пьесы – честь и как ее представляют два человека: вор Кирим и простой труженик Ахмет. Два друга пошли разными путями. Когда-то и Кирим был обычным горцем, однако после конфликта с русским приставом у него возникла дилемма чести: стерпеть или отомстить? Он выбрал второй путь, в результате некогда достойный человек сделался вором, лишенным принципов, знающим только собственную выгоду и свободу во что бы то ни стало. Пьеса открывается монологом Кирима, в котором он характеризует себя: «Æз цы дæн? Йæ иунаг койæ æмбæхсгæ кæмæн кæнынц адам, уыцы абырæг!» [5, ф. 34]. / «Кто я? От одного лишь упоминания которого люди прячутся – такой абрек!». Также персонаж Бритаева по традиции сравнивает жизнь абрека с волчьей, говорит об обычном человеке, который может стерпеть и обиду, и потому «Мæнау балон бирæггы тезгъо нæ кæнид» [Там же]. / «Он не рыскал бы, как я, подобно волку из стаи». Как волк в вечных скитаниях, Кирим стал чужд традиционному обществу, ценности людские стали пустым местом для него, даже дружба потеряла свое значение, и «со временем его первоначальные представления о добре и справедливости рушатся окончательно» [16, с. 14]. Кирим задумал достать себе лошадь, а его когда-то лучший друг Ахмет работает пастухом, сторожит сельских лошадей. Кирим решает обратиться к нему с просьбой поспособствовать в краже, а если тот не согласится – выкрасть лошадь. Ставя себе подобную цель, Кирим прекрасно осознает, что честь, которая толкнула его на путь абречества, есть у Ахмета, и она не позволит ему пойти на сделку с вором, тем самым разбойник Кирим, сохранив собственную честь (как он считает), заставляет попать Ахмета свою и предать доверие сельчан. Как пишет видный осетинский ученый-филолог Ш. Ф. Джикаев: «Драматург æвдисы, удыхæд куыд хæлы, адаймаг деградаци куыд кæны, уыцы процесс» [9, ф. 409]. / «Драматург показывает, как теряет достоинство, как деградирует человек, этот процесс». Центральный конфликт пьесы – противостояние двух некогда близких друзей: «Мæнгард, æгъатыр, æнæфсарм абырæджы ныхмæ лæууы хуымæтæг ирон лæг» [Там же]. / «Против бесчестного, безжалостного, бессовестного абрека стоит простой осетинский мужчина». Каждый действует из собственных трактовок чести: для вора – это лишь его желание, которое важнее всего, для Ахмета – это доверие односельчан, невозможность идти на сделку с подлецом, даже во имя спасения собственной жизни. Противостояние завершается гибелью обоих героев, в схватке убивающих друг друга. Перед началом финальной битвы Кирим осознает, что для него это окончится смертью, но он согласен на нее, только если уйдет не один: «Ме 'рдхордимæ хъуамæ Мæрдты дæр иумæ уæм» [5, ф. 52]. / «С другом обязаны и на том свете быть вместе». В данном случае это, с одной стороны, – эгоистичное отчаяние, но также и вывернутое понятие о дружеской верности и любви, ведь в силу выбранной воровской судьбы он не смог пройти всю жизнь бок о бок с другом, как и должен был, поэтому хоть в смерти они будут вместе. Кирим потерял лицо, свою суть праведного человека, но он далеко не глуп, честен в какой-то мере, разбойник прекрасно понимает, что заслуживает смерть, и осознает трагический комизм ситуации: он умрет в попытке украсть коня, не на войне, не в благородном поединке, а так, не из-за чего: «Фынддæс азы фыдæбон иу бæхы тыххæй сæфы» [Там же]. / «Пятнадцать лет страданий пропадают из-за одной лошади». Тогда как Ахмет принимает смерть ради сохранения своего праведного имени, и не важно, что в основе – помешать краже чужого коня или защитить отечество – все это одно – вопросы благородства и самоотверженности. Показательны последние слова двух бывших друзей. Ахмет, умирая, завещает брату: «Худинаг дæ сæрма ма сх... æсс!» [Там же, ф. 53]. / «Позором не надели свою голову!», – честь превыше всего. А Кирим восклицает: «Гъе, æллах! Цæй тыхджын хоныс дæхи лæг! Цæй æдых... дæ...» [Там же]. / «О, аллах! Каким сильным считает себя человек! И какой слабый... он есть...». Кирим признал свое поражение перед Ахметом, но также в философском плане перед лицом смерти признал слабость, конечность человеческой жизни с ее земными, ничтожными страстями. Два центральных характера пьесы – Кирим и Ахмет – решены в традициях реализма, поскольку они типичные герои в типичных обстоятельствах в осетинском обществе начала XX века (абрек-вор и простой, честный труженик).

В рассказе А. Цаликова «В абреки» судьба главных героев, так же как и в пьесе Бритаева, изменилась из-за коня. А. Цаликов «показывает типичный случай, который мог сделать вполне мирного и благородного, но темпераментного и самолюбивого кавказского мужчину разбойником» [4, с. 79]. Двое табунщиков Даука и Буцка повздорили из-за того, кто имеет право скакать на вороном коне, ссора закончилась гибелью Даука, тогда как Буцка, стоя над трупом товарища и проклиная судьбу, осознал, что единственный путь теперь для него – темный лес и безрадостное существование абрека. В миниатюрном рассказе писатель показал, как горячий нрав может сослужить плохую службу молодому человеку, сломать его жизнь. Буцка обладал взрывным темпераментом, был готов вспылить из-за пустяка: «Поэтому товарищи его недолюбливали, а это делало его еще более раздражительным и подозрительным» [24, с. 62-63]. Характер предопределяет будущее: в приступе ярости убив человека, он не почувствовал раскаяния, но, осознав содеянное, чувствует лишь только горечь непоправимой ошибки и принимает решение, «в котором была роковая безнадежность» [Там же, с. 64]. В рассказе центральное место отводится злему року, который ведет героя. Интересно также, что и природа вторит судьбе Буцка: схватка и убийство произошли темной ночью, осознав содеянное, герой ищет помощи у родных гор, высокого звездного неба, но оно «было немо и безучастно <...> И понял он, что так же холодно-безучастна к нему судьба...» [Там же]. Единственный выход для убийцы – жить в темных чащах, это его будущее, и в прямом (герой видит вдали лес), и в переносном смысле: существование абрека – мрачно и безрадостно, подобно скитаниям в лесу. Теперь Буцка узнает, как в свое время благородный разбойник

английских баллад Робин Гуд, «как спать в лесу / На камнях и корнях» [17, с. 17], хотя слово «благородный» и нельзя применить к герою рассказа Цаликова, но общие тяготы разбойничьей жизни объединяют их.

Природа равнодушна к преступнику, человеку, совершившему убийство, которого вполне можно было избежать. Авторское присутствие в тексте выражается именно через природу, в отличие от других цаликовских произведений, «где она помогает людям хорошим и мешает негодяям» [4, с. 79], здесь она равнодушна к убийце, тем самым и Ахмед Цаликов не выражает сочувствия или осуждения, он лишь констатирует, что убийство приводит героя на единственно возможный путь – на дорогу абречества.

В другом рассказе «Любовь абрека» А. Цаликов показывает трагедию любви разбойника Сосланбека. Романтические страсти бушуют в тексте. Природа двигает сюжетом: встреча Сосланбека и его возлюбленной Дзамирет произошла в яростную бурю, которая выворачивала деревья с корнями; спасаясь от непогоды, путник попросил крова в сакле, где живут брат и сестра. Любовь зажглась мгновенно, с первого взгляда, без слов. Тяжелый рок преследует влюбленных, их чувство родилось вследствие жестокой непогоды – и любовь для центральных персонажей явилась той же разрушающей силой. Покинул радушный кров Сосланбек с примечательными словами: «Пока Сосланбек жив, Сосланбек, которого народ зовет “волком лесов”, – он не забудет гостеприимства, оказанного ему под этим кровом» [25, с. 69]. В рассказе Цаликова волк как традиционный символ абречества закреплен за разбойником как второе имя: «волк лесов» – прозвище главного героя, опасного скитальца.

Сосланбек, повстречав Дзамирет, решает, что ему дается шанс вновь стать честным человеком. Он планирует бежать с возлюбленной в Стамбул, где никто не знает его, и он сможет жить счастливо. Но судьба у Цаликова к абрекам не благосклонна, собственно, как и в реальности: нет романтики в жизни в горах, только скитания, страдания и ранняя смерть. Так и с Сосланбеком: пока он вынашивал план бегства, его любимую похитили, украли из сакли. Сосланбек отыскал насильников, убил их, но Дзамирет, не снес позора, умирает на руках брата и возлюбленного. Теперь для разбойника нет надежды, его душа ожесточается. Потеряв любовь, Сосланбек теряет и остатки человечности: «Будто дьявол вселился в его душу» [Там же, с. 70-71], убивает он и женщин, и детей, не знает жалости. Проводя параллели, можно утверждать, что и Сосланбек Цаликова мог бы воскликнуть, как когда-то оклеветанный перед отцом, потеряв возлюбленную, шиллеровский Карл Моор в начале драмы «Разбойники»: «...пусть же кровь и смерть научат меня позабыть все, что было мне дорого когда-то!» [28, с. 45]. Чужой кровью Сосланбек и Карл Моор пытались заглушить память, однако жизнь абрека-разбойника, не освещенная светом любви, всецело становится «полной мерзости и позора» [Там же, с. 127], по предельно точному определению прозревшего Разбойника Моора в конце пьесы, осознавшего всю суть существования любого преступника, вне зависимости от того, что именно его толкнуло на подобный путь. И естественна скорая смерть, которая настигла героя рассказа Цаликова: «Однажды охотники нашли в глубокой пропасти обглоданный волками труп человека...» [25, с. 71]. Символично, что труп обглодан волками – это следствие того, как Сосланбек погубил сам себя, разорвал изнутри, волк в его душе вырвался наружу, растерзав его собственную душу. Цаликов констатирует, что судьба любого абрека ведет к трагической гибели, нет ему спасения, нет надежды для кровожадного разбойника, только смерть ждет его, одинокая, среди равнодушной и величавой природы.

В рассказах Цаликова прослеживается влияние идей романтизма и реализма. От романтизма – внимание к стихийным силам природы (ветер, гроза), с которой отождествляются все душевные движения героев-абреков. От реализма взяты сами сюжет и образы: типичные истории из жизни осетинских сел и их жителей.

Повесть Дзахо Гатуева «Зелимхан» посвящена истории жизни самого известного абрека начала XX века Зелимхана Гушмазукаева (1872-1913). Последовательно автор показывает, как простой горский труженик стал абреком, грозой всего Кавказа. Автор видит политические мотивы в абречестве Зелимхана, основа которого – протест против беззакония царских властей и бесправия кавказских народов. Его бунт – пока первые шаги к осознанию социальной несправедливости и стремление к революции, которую Зелимхан ассоциировал со свободой. Но пока, будучи гордым кавказцем, он думал о том, что единственный способ добиться правды для него – убийство обидчиков. Гатуев методично прослеживает трагический путь Зелимхана, который начинается с проблем кровной мести и заключения под стражу. Спорная ситуация возникла вследствие попытки женить младшего брата Солтамурада, что привело к неожиданному конфликту: родственники девушки отдали её за другого. Стычка между молодыми людьми из соперничающих фамилий привела к гибели родственников Зелимхана. В попытке отомстить за честь брата Зелимхан убивает представителя семьи, укравшей невесту Солтамурада. Зелимхана осуждают, он бежит из заключения и становится абреком. Однако сам Зелимхан никогда не хотел такой судьбы, это вынужденная мера: с одной стороны, устаревшие обычаи с проблемой кровной мести, с другой – бесправие кавказских народов, к проблемам которых российские власти мало прислушивались. Несколько раз в повести показано, как Зелимхан противился судьбе абрека, пытался найти компромисс с царскими властями, но возможности вернуться к честной жизни ему не дали. Автор поставил себе цель рассказать максимально правдивую историю Зелимхана, он намеренно исключил себя из текста, стремясь представить только факты, неслучайно в конце повести Гатуев приводит несколько реальных писем абрека к властям, в которых он пытается найти компромисс, но ни одно его письмо не было услышано.

Власти преследовали не только Зелимхана, но и его семью и родственников. Из-за гонений в абреки ушли его братья и отец, его жена и дети были заключены в тюрьму. Все это ожесточило душу Зелимхана: его характер представлен в развитии, его деяния – разбойника и убийцы, это то единственное, что гордый горец мог противопоставить диктату властей: «Зелимхан думал, что если уж заставляют его волчьей жизнью жить, то и нрав у него должен быть волчий» [6, с. 39]. Гатуев, следуя традиции, так же как и другие осетинские авторы, обращается к волчьей символике, отождествляя жизнь волка и абрека. Стечение обстоятельств, несправедливость и бесправие коренного кавказского населения вынудили крестьянина Зелимхана стать разбойником

Зелимханом. Из года в год он становился все более неуловимым и опасным, его популярность среди простого населения вышла на новый уровень, он предстал в качестве своеобразного лидера, нового вождя, им восхищались, посвящали ему песни, смотрели как на освободителя, ведь Зелимхан отстаивал «не только собственную независимость и свободу, но и своего народа» [26, с. 193]. Встав на путь насилия, он пытался добиться правосудия насилием и убийствами: в апреле 1906 года Зелимхан убил начальника Грозненского округа подполковника Добровольского, в 1908 году – начальника Веденского округа полковника Галаева. Несомненно, что поимка Зелимхана стала для властей первоочередной задачей.

Гатуев создает объемный образ героя, несомненно, убийцы, разбойника, но при этом не лишённого моральных принципов и правил. Показательна молитва Зелимхана, в которой он предстает человеком рефлексирующим, пытающимся поступать правильно: «– Аллах, – просил, – если я задумаю что-нибудь несправедливое, то отвори мои мысли и удержи мою руку. Если я задумаю дело правильное, то укрепи мою волю: сделай глаз мой метким и руку твердою. Прости мне мои грехи, прости грехи всем несчастным, вынужденным идти моею дорогою» [6, с. 46]. Зелимхан – простой, но не примитивный, он прекрасно осознает свою личную трагедию и проблему всех тех, кто стал на путь абречества. Он понимает, что его ждет скорая смерть загнанного зверя, волка, на которого охотятся силы, превосходящие его собственные.

Зелимхан представлен в тексте еще и как мудрый руководитель, он создал кодекс абрека, с его правилами и законами:

- «– Ночью не курить.
- Винтовку держать в чистоте.
- Лошадей под седлом.
- Мало говорить – много слышать» [Там же, с. 80-81].

Герой предельно четко осознает, что есть абречество: «Абречество – это не война. Абречество – не единоборство. В абречестве один за себя и один за всех. И один против всех» [Там же, с. 54]. Волчья судьба – то, что избирает любой абрек, гордая жизнь в скитаниях, но отягощенная грабежами и убийствами, выход из которой – смерть или заключение. Единственное спасение после того, как Зелимхан понял, что договориться с властями невозможно, – это побег в Турцию, это последний шаг, который он хотел совершить. Но планы его не осуществились: он был предан одним из соратников, поэтому Зелимхана выследили и убили. Будучи тяжело больным и уязвимым, он допустил оплошность, потеряв бдительность, подпустив к себе преследователей.

Образ Зелимхана, воссозданный в повести Гатуева, подкрепляется документально, в письмах абрека, старавшегося поступать по совести (перед каждым убийством он посылал письма-предупреждения, пытался договориться сам). В письмах он – человек думающий, ищущий выход, он говорит о реальном положении дел в кавказских селах с их нищетой и бесправием, пишет о том, что большинство ушедших в абреки «избирают такую долю вследствие несправедливого отношения властей или под влиянием какой-нибудь иной обиды или несчастного стечения обстоятельств. Раз кто стал на этот путь, то он подвигается по нему все глубже в дебри, откуда нет возврата, ибо, спасаясь от преследователей, приходится убивать, а чтобы кормиться и одеваться, приходится грабить. А в особенности тому, кто должен поддерживать семейства, отцы которых в ссылке или в заключении» [Там же, с. 142].

Сам Дзахо Гатуев приветствовал революцию и был на стороне большевиков, что, несомненно, видно в тексте, но эта позиция – единственно верная и с точки зрения самого Зелимхана.

Повесть демонстрирует эстетику реализма, Гатуев создал объемный образ абрека Зелимхана, повествуя о его судьбе в третьем лице, стилизуя весь текст под манеру изъясняться простого труженика, с его четкими предложениями, простой образностью и обманчивым отсутствием эмоций, что свойственно суровым кавказцам. Благодаря этому повесть несет оттенок фольклорного произведения с внутренней красотой, стройностью и логичностью образов, лаконичностью построения предложений. Как отмечает исследователь творчества писателя И. Хугаев, текст Гатуева «организован как в высшей степени самобытное художественное явление. Очевидно, что это великолепный русский язык, но не менее очевидно, что это не русская литература. <...> Литературное наследие Дзахо Гатуева... выступает действительным фактором единства горских народов Кавказа с русским народом, на языке которого и говорят его герои со своим неповторимым ментальным акцентом» [23, с. 7]. Именно особый ментальный акцент отличает творческую стилистику повести Гатуева, в которой язык «красив и колоритен, повествование движется по каким-то неписаным законам самобытной поэтики горской речи, рубленые фразы кажутся кристаллами. Во всем повествовании чувствуется сдержанность, таящая в себе силу» [27, с. 12-13].

Дзахо Гатуев в повести об абреке Зелимхане Гушмазукаеве рассказал историю жизни, проследил путь героя и предоставил читателю самому делать выводы о причинах, действиях и последствиях жизни самого известного абрека начала XX века. Гатуев следует традициям реализма в попытке отстраниться от персонажа для создания полноценного, правдивого образа абрека. Кроме того, ощущается влияние идей модернизма на язык изложения и творческую манеру осетинского писателя как следствие эксперимента с обновлением художественного языка и поиском новых способов художественной выразительности.

Выводы, к которым мы пришли в ходе исследования, следующие: актуальность темы абречества для осетинской литературы объясняется несколькими причинами – спецификой региона (традиции, обычаи), революционным временем начала XX века, когда абречество стало некой примитивной силой протеста против

политической системы, трансформацией вечного образа «благородного разбойника» в национальном художественном творчестве.

Трактовка образа абрека в анализируемых произведениях строится в традициях того или иного литературного направления. Так, влияние романтизма пролеживается в текстах Хетагурова, Токаева и Цаликова, элементы реализма – в текстах Бритаева, Цаликова и Гатуева. Кроме того, идеи сентиментализма, символизма и экспрессионизма проявляются в стихотворении Токаева. Общность в построении образа абрека у выбранных авторов обнаруживается в сравнениях абрека и волка, рефреном проходящих через все произведения, что объясняется традицией, прослеживающейся еще с фольклорных текстов. Схожесть между абреком и волком – как в общих чертах характера и поведения (вор, хищник, жизнь в стае, преследуемый), так и в изначальной тождественности архетипических образов волка и разбойника в осетинской культуре.

Достоинные сочувствия, сострадания образы абреков представлены: у Коста Хетагурова в силу влияний традиций романтизма, когда исключительный герой противопоставляет себя несправедливостям человеческого общества; у Алихана Токаева – за счет гуманистических взглядов автора на жизнь, полную страданий и гонений, лишённую света и надежды. Осуждают абреки как люди вероломные, потерявшие человечность: у Е. Ц. Бритаева (друг пошел против друга) и у Ахмеда Цаликова (потеряв возлюбленную, герой мстит всему миру). Отличается трактовка образа разбойника у Дзахо Гатуева, когда автор намеренно удаляет себя из текста, создает максимально правдоподобный характер Зелымхана и дополняет литературный текст реальными письмами абрека. Зелымхан в повести Гатуева открытого порицания не заслуживает, в силу того, что его путь – судьба, продиктованная временем, которой сам герой всячески сопротивляется и безуспешно пытается выбраться на честный путь.

Традиции мировой и русской литературы у осетинских авторов проявляются в том, что на создание образов абреков в их творчестве повлияли такие известные предшественники, как отчаянный удалец, меткий стрелок Робин Гуд – герой английской народной баллады; трагический изгой, «байронический герой», созданный родоначальником английской романтической школы Д. Г. Байроном; Карл Моор – прогрессивный ум современности, а впоследствии просто Разбойник Моор из пьесы классика немецкого романтизма Ф. Шиллера и отчаянные разбойники из поэм А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

Предпринятый нами анализ открывает *перспективу для дальнейшего исследования* мотивов, идей, популярных в осетинской литературе начала XX века, с возможностью проследить их развитие и трансформацию в современной осетинской поэзии, прозе и драматургии.

Список источников

1. **Абаев В. И.** Избранные труды: в 4-х т. / отв. ред. и сост. В. М. Гусалов. Владикавказ: Ир, 1995. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. 724 с.
2. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. Л.: Наука, 1958. Т. 1. 657 с.
3. **Бекоев В. И.** Осетинские историко-героические песни с абреческой тематикой // Гуманитарные исследования. 2009. № 2 (30). С. 155-161.
4. **Белоус Л. В.** Образы абреков в рассказах и публицистике Ахмеда Цаликова // Наука сегодня: опыт, традиции, инновации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Вологда: ООО «Маркер», 2017. С. 78-80.
5. **Брытъяты Е.** Худинаджы бæсты – мæлæт // Брытъяты Е. Уацмыстæ. Дзауджыхъæу: Ир, 2002. Ф. 33-53.
6. **Гатуев Д.** Зелымхан // Гатуев Д. Зелымхан: повесть и очерки. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 15-148.
7. **Гуытъяты Хъ.** Ирон æмбисæндтæ. Орджоникидзе: Ир, 1976. 352 ф.
8. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2006. Т. 1. А – З. 752 с.
9. **Джыккайты Ш.** Фарнхæссаг аивад // Брытъяты Е. Уацмыстæ. Дзауджыхъæу: Ир, 2002. Ф. 402-414.
10. **Дзадзиев А. Б., Дзудцев Х. В., Караев С. М.** Этнография и мифология осетин: краткий словарь. Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие В. А. Гасиева, 1994. 284 с.
11. **Жюльен Н.** Словарь символов / пер. с франц. С. М. Каюмова, И. Ю. Устьянцевой. Челябинск: Урал LTD, 1999. 498 с.
12. **История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.).** М.: Наука, 1988. 659 с.
13. **Копелев Л.** Драматургия немецкого экспрессионизма // Экспрессионизм: сб. ст. / отв. ред. Б. И. Зингерман. М.: Наука, 1966. С. 36-83.
14. **Лермонтов М. Ю.** Преступник // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. Т. 2. Поэмы и повести в стихах / отв. ред. тома Ю. М. Прозоров. С. 46-51.
15. **Мирзоев А. С.** Институт абречества и его трансформация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с XVIII по 30-е годы XX века // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: сб. науч. ст. по материалам Региональной науч. интернет-конф. Нальчик: Изд. отдел Кабардино-Балкарского ин-та гуманитарных исследований, 2015. С. 89-108.
16. **Накусова Н. Т.** Художественное осмысление проблемы абречества в осетинской литературе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Владикавказ, 2009. 23 с.
17. **Повесть о деяниях Робин Гуда** / пер. с англ. В. А. Рождественского // Полное собрание баллад о Робин Гуде. М.: АСТ, 2015. С. 9-33.
18. **Пушкин А. С.** Братья разбойники // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17-ти т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 4. С. 143-152.
19. **Соколова З. П.** Животные в религиях. СПб.: Лань, 1998. 288 с.
20. **Токаты А. И.** Абырджытæ // Токаты А. И. Уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1973. Ф. 121-122.
21. **Хетагуров К. Л.** Перед судом // Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений: в 5-ти т. Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие В. А. Гасиева, 2000. Т. 3. С. 104-110.

22. Хоруев Ю. В. Абреки на Кавказе: монография. Владикавказ: Изд.-полиграф. отдел Северо-Осетинского ин-та гуманитар. и соц. исследований, 2010. 524 с.
23. Хугаев И. С. Дальше на Восток: к вопросам поэтики Дзахо Гатуева // Вестник Владикавказского научного центра. 2018. № 4 (18). С. 4-8.
24. Цаликов А. В абреки // Цаликов А. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. С. 61-64.
25. Цаликов А. Любовь абрека // Цаликов А. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. С. 67-71.
26. Цховребов Н. Д. Связь времен // Дарьял. 2008. № 4. С. 184-195.
27. Шелепов Б. Ф. Дзахо (Константин) Гатуев // Гатуев Д. Зелымхан: повесть и очерки. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 3-14.
28. Шиллер Ф. Разбойники / пер. с нем. Н. Ман // Шиллер Ф. Драммы. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1975. С. 25-128.

Wolf's Lot: Theme of Abrekhood in the Ossetian Literature of the End of the XIX – the Beginning of the XX Century

Khetagurova Dzerassa Kazbekovna, PhD
Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
dze-khe@yandex.ru

The article examines the theme of abrekhood in the Ossetian literature of the end of the XIX – the beginning of the XX century by the material of poetry, prose and dramaturgy (K. L. Khetagurov, A. I. Tokaev, E. Ts. Britaev, A. T. Tsalikov and D. A. Gatuev). The research objectives are as follows: to show how abrekhood is represented in works of the mentioned authors, to reveal specificity of their interpretations of the abrek's (robber, outcast) image taking into account aesthetics of a certain literary trend. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that the abrekhood phenomenon is for the first time subjected to a comprehensive literary analysis. The conducted research allows identifying peculiarities of the image of an abrek who is depicted as a legendary robber causing admiration and respect of mountaineers; as a marginal criminal, outcast who deserves only condemnation; as an unfortunate sufferer, cornered animal, who deserves sympathy.

Key words and phrases: Ossetian literature; abrekhood phenomenon; robber's image; romanticism; realism; modernism.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.14>

Дата поступления рукописи: 05.08.2020

Цель статьи – рассмотреть особенности азербайджано-татарских литературно-культурных взаимосвязей начала XX века в области сценической литературы и театрального искусства. Научная новизна видится в малоизученности данной темы и отсутствии научных трудов, комплексно рассматривающих результаты взаимодействия татарской и азербайджанской культур в период становления татарской драматургии и театра. Полученные результаты показывают, что совместная творческая деятельность татарской и азербайджанской трупп в 1908 году, неоднократные постановки пьес азербайджанских авторов на сцене татарских театров в дореволюционном периоде, тесное сотрудничество отдельных творческих личностей татарского и азербайджанского народов обеспечили сближение культур двух тюркских народов, а также стали одним из существенных факторов развития татарского театра и драматургии в начале XX века.

Ключевые слова и фразы: азербайджано-татарские литературно-культурные взаимосвязи; драматургия; театр; Г. Араблинский; Н. Нариманов.

Шарипова Алсу Самигуловна, к. филол. н.
Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань
alsu-samigullovna@yandex.ru

Азербайджано-татарские литературно-культурные взаимосвязи начала XX века (на примере сценической литературы и театрального искусства)

Татарский и азербайджанский народы объединяют исторические корни, культурные, духовные, религиозные традиции и тюркский язык. На протяжении многих веков эти два родственные народа тесно общались друг с другом. В этом плане особого внимания заслуживают литературно-культурные взаимосвязи начала XX века в области сценической литературы и искусства, вместе с тем данная тема до сих пор остается малоизученной. **Актуальность** настоящей статьи объясняется тем, что исследование является необходимым для целостного и комплексного анализа тенденции развития татарского национального театра и драматургии в начале XX века.

Для достижения вышеуказанной цели поставлены следующие **задачи**: 1) изучить деятельность труппы «Товарищество казанско-кавказских артистов»; 2) сделать обзор азербайджанских пьес, поставленных на сцене татарских театров; 3) определить место отдельных азербайджанских деятелей искусств в истории татарского театра. **Теоретическую базу** составили научные труды литературоведов и театроведов А. Ахмадуллина, Н. Ханзафарова, А. Закирьянова, Х. Махмутова, И. Иляловой, Б. Гиззат, М. Арсланова,